

Фантастическая автобиография

16+

Константин Иванович Кизьявка

1982

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55157751

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06137-8

Аннотация

Фантастическая автобиография. Январь 1982 года. Четырнадцатилетний подросток вспоминает непростую жизнь в будущих девяностых и двухтысячных.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Сон	5
Или не сон?	6
Глаз ворона	8
Машинка	13
И с салом пироги	17
Дознание	21
Советская-Гайдара	26
Проклятие четвертого подъезда	31
Заяц	38
Немухинские музыканты	40
Дневник	46
Катафоты	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алисе

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Рефлексия

Сон

Запах дыма. Лёгкий. Приятный. Из почти забытого детства, когда бабушка растапливала печь старыми газетами; в тишине робко звякали кастрюли и сковородки, и тонко звенела в воздухе морозная нота – раскрытая форточка, проветривающая едкий привкус сгоревшей бумаги.

Дышится легко. Воздух – чистая зимняя вода. Стоп! Зимняя вода?! Забыли закрыть окно?! Да-а... Тяжелы и беспощадны новогодние алкопомрачения! Две двадцатки на календаре, конечно, криптографичны, уникальны, даже эпичны, но окно, открытое в зимнюю январскую бездну, в продуваемой всеми ветрами угловой верхней квартире хрущевской пятиэтажки, нежно говоря, перебор!

Открываю глаза.

Или не сон?

Мозг – странная конструкция, но еще «страньше» рассуждать о мозге. Рассуждает кто? Правильно.

В какие миры проваливаемся по ночам? Почему возвращение в реальность бывает мучительно?

А вечные утренние вопросы: Где я? Что со мной? Кто я?

Вокруг дешевой пластиковой люстры “под хрусталь” – красивая лепнина. То ли плющ, то ли виноград замысловатым гипсовым узором оплетает потолочный стакан.

Но... нет в моей квартире такой лепнины. Обычный ровный, если не считать стыков плит, потолок.

Невозможно!

Ага, понимаю, было такое. Смотрел в зеркало на стене. Расчесывал густые каштановые волосы и... Дошло! Голова последние десять лет похожа на яйцо пингвина. Гладкостью. Два раза в неделю брею наголо. Чтоб сверкала на солнце. А тут – волосы. Сплю? Конечно! Проверил любимым способом – попробовал взлететь. И получилось. Легко. Воспарил.

Пробую снова. Напрягаю мышцы, устремляюсь к небу.

Ничего. От слова “вообще”. Тело покоится под теплом ватного одеяла и даже на миллиметр не оторвалось от подушек и простыней.

Вариант – не дома. Забыл где. И не первое января, а, скажем, второе или третье. Мы у Аброськиных или Говорухи-

ных. Переночевали и вот... Надо вспомнить вчерашний вечер.

У стены – радиола. Большой антиквариат на ножках с надписью “Ригонда”, с огромной шкалой цифрового диапазона длинных, средних и коротких волн. Две белые круглые ручки: одна – перебор частот, вторая – регулировка громкости. Сверху, под распахнутой крышкой, резиновое ложе – крутить грампластинки.

У бабушки на улице Советской была похожая. И окна. И у кровати металлическая спинка. Под матрасом, сто процентов, стальная сетка.

Комната замедляет вращение. Останавливается. Мир входит в отчетливые формы.

Мы на Советской. У бабушки. Отмечали Новый год. С родителями. Они спят в соседней комнате. А рядом спит родной брат. Средний. А ноги брата младшего. Он тоже спал с нами, но валетом – головой в сторону радиолы. И год встречали вчера 1982-й, а не 2020-й. Вот двадцатый, точно, приснился. Какой длинный, правдоподобный сон! И не спешит растаять, потерять очертания, пропасть. Запомнился. В миллионах подробностей, как в жизни! Глупости. Сон это сон, а явь это явь. Тут каникул осталось всего ничего, каких-нибудь десять дней и снова в серость школы. Тоска. Отставить хандру! Наслаждаемся Новым годом!

Глаз ворона

Медленно, чтобы не разбудить дрыхнувших Геру и Максима, выползаю из-под одеяла и свешиваю ноги к полу. Далеко. Не достать. Тихо, как ниндзя, спрыгиваю на цветастый коврик. Откуда странное слово “ниндзя”? “Вокруг света”? “Наука и жизнь”? Не важно.

В зале у печи тихонько суетится бабушка Таня. Пирог на столе румянится, парит картошечно-мясным ароматом. В глубине черной духовки булькает в чугунке что-то вроде супа или соуса.

Бабушка улыбается:

– Проснулся? Колы писять трэба, там у колидоре ведро. Як вси встануть, сядемо йисты.

– Хорошо!

Коридор встречает холодом. Обуваюсь. Непривычно в ботинках. Вроде мои, но чужие и смешные. За следующей дверью – веранда. Почти мороз. И резкий запах. Ах да... Ведро. Ночное спасение желающих “по маленькому”. Натягиваю куртку, шапку. Выхожу наружу.

Дедушка чистит снег большой фанерной лопатой. Дымится парок над мордой собаки в будке. Солнце сверкает миллионами блесков на снегу, завалившем двор. Черные ветки старой груши широким зонтом разбили бесконечное небо на синие многоугольники.

– Доброго утречка! Выспався?

– Ага. Может, помочь?

Дед смотрит удивленно.

– Не. Не надо. Тут вже трохи осталось.

Пожимаю плечами и осторожно спускаюсь по каменным ступенькам. Обхожу веранду и по расчищенной дорожке растерянно бреду к огороду. Сарай? Уже и не помню, что он есть. И летняя кухня... Как можно столько забыть за ночь?

Заваленные снегом грядки, темнеющие сквозь белизну снега ветки винограда. Откуда виноградные ряды?

Все еще живу сном? Не верю в реальность с бабушкой, дедушкой, в кроликов за решетками, дергающихся и жующих бледно-зеленую траву?

Но вчера они были! Не сорок лет назад, а тридцать первого декабря 1981-го года.

Что с головой? Эй, нейроны, полегче! Какая химия помняла раскладку коры?

Что за “нейроны”? Гуглил?

Хватаю горячими губами спасительный воздух.

Ветки черными изгибами вспарывают ips-синеву неба. Маленькая белая туманная взвесь замирает в вышине. Слова “облако” нет. База вербальных данных обнулена.

Коричневая воробьиная суета в кустах смородины. Веселые чирикания. Мерзлые красные капли ягод. Почти забытый привкус заледеневших детских варешек. На кромке крыши сверкнула чуть подтаявшая на солнце сосулька.

Мозг хватает ощущения, падает в ощущения, живет ощущениями, отбирает у мышления право включиться. Одеревенелость рук проходит.

Дежавю? Но это очень короткие замыкания в голове. Не больше пары секунд. За всю жизнь не наберется минута. А тут полчаса. Подряд!

Читал на нейрологическом сайте, что эпилептики впадают в дежавю чаще обычных людей. Но я не барахтаюсь в снегу, как девочки, селфящие ангелов, и пена у рта не вскипает... или вскипает? Только я в отключке и вижу то, что хочу видеть?

Лежит себе Константин в квартире на Гайдара, бьется в конвульсиях. Вокруг люди столпились, на бок переворачивают, карандаш в зубы вставили. А он в детство впал. Снежком любит в огороде тридцатипятилетней давности. Счастливый! Инфантильность десятой степени. Регресс такого размаха, что Фрейд в ужасе лезет под стол.

Сознание возвращается в реальность январского утра 1982 года. Вангоговские круги распрямляются в сверкающие снежные линии. Большой черный ворон внимательно наблюдает с ветки старой вишни. Смотрит одним глазом. Интересно, куда направлен глаз с невидимой стороны клювастой головенки? В будущее? Может, в этом тайна древней птицы?

Шагаю вперед. Ворон всхлестывает огромными крыльями, шлепает ими по воздуху и, недовольно вскрикивая, поднимается в небо.

Был Костик простым батайским мальчиком, с милыми детскими тараканами в голове и вдруг... Пospал у бабушки на свою голову. Нет. На всю голову. Да, так точнее.

Хорош! Хватит! Глупо! Вот мир. Такой, каким был вчера и позавчера. Всё. Короткая, простая, ясная мысль. Достаточная для душевного спокойствия и радости.

Вчера было хорошо. Каникулы. Без домашних заданий, без тошнотворной тройки даунов из 8 «б». «Дауны»? Откуда такое слово? Странно.

Читал неделю назад в журнале «Наука и жизнь» о сновидениях. Четко помню: «сон – сумма пережитого, увиденного, услышанного. Ничего нового, чего не было в жизни, во сне не увидеть и не услышать». Читал, примерял на себя и, казалось, не поспоришь с фактом.

«Дауны», «ниндзи», «нейроны»... Яркие картинки невозможной жизни.

«Ниндзя», смешное слово. Был во сне хромой тип, считавший себя ниндзей. Рассказывал бредовые истории.

«Нейроны». На фотографии – под микроскопом маленький спрут. Щупальцеобразные аксоны и дендриты. И видеоролики по теме с пояснениями специалистов по магнитно-резонансной томографии головного мозга. О Боже! МРТ! Во сне сочинил? Или в больнице услышал, когда последний раз к стоматологу ходил?

Как больно старый врач, периодически встряхивавший длинными седыми как у индейского вождя волосами, плом-

бирова́л два передних зуба! Не было, видите ли, обезболивающих средств. Хочет, понимаете ли, драть нервы вживую. До слез. А вот у Димы, в частном кабинете... Какой Дима? Я еще зубы лечил во сне? Кошмар. Что за морок? Болею?! Шизофрения стучится в оба полушария?

Останавливаюсь, резко разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и шагаю к наверняка проснувшимся родственникам.

Машинка

В просторном зале, простите за штамп, “царит оживление”. Мама помогает бабушке сервировать стол. Отец беседует с дедом на диване, а братья выглядывают из соседней комнаты в ожидании завтрака.

На тумбочке здоровенный как сундук черно-белый телевизор. Щеки растягивает улыбка. Сверху на телевизоре вянзая белая салфетка, как на комодке или журнальном столике. На салфетке белый пластиковый параллелепипед. Барометр? Термометр? Два в одном?

– Чо лыбишься? – Герман стоит рядом и внимательно наблюдает.

– Да вот... – теряюсь. – Телевизор прикольный.

– Телек, что ли? Дык обычный. “Рас-свет”, – читает по слогам надпись у мощного тумблера переключения каналов. – Ты по-русски понимаешь?

– Немного, – пытаюсь отшутиться.

– Оно и заметно, – кивает и бросается в соседнюю комнату, где завизжал младший, успевший что-то натворить.

– Не орите! – бросает мама, отец недовольно смотрит в сторону шума.

Иду в спальню, вижу братьев, отчаянно сражающихся за пульт электрического автомобиля. Вырывают друг у друга электромагнитный символ власти над игрушечным сча-

ством. От пульта к машинке тянется провод, и то ли разжиревший феррари, то ли чахлый хаммер кувыркается, подпрыгивает, хаотично дергается под братскими ногами.

– Так техника долго не проживет, – замечаю громко, но никто не слышит, борьба нешуточная.

Всего два часа назад, во сне, верил, что оба драчуна военные врачи. Взрослые солидные мужики, пенсионеры. Герман полковник, прошел войну, награжден орденами, Максим подполковник, опытный хирург, преподаватель Военно-медицинской академии. И вот... Драка за машинку. В каком месте смеяться?

Окунуться в вещие сны забавно.

Присаживаюсь на стул, наблюдаю за баталией. Побеждает опыт. Гера торжественно поднимает над головой трофейный пульт, Максим рыдает и бежит в зал, откуда слышны отрывистые всхлипы:

– Отобрал... Герка... Я... Хочу... Тоже... Машинку...

Неожиданные слова Германа обрывают приятную безмятежность:

– Нелепо, да? Зачем малыша обидел? Нужна мне эта игрушка, как собаке противогаз, ан нет, надо отобрать в жестокой борьбе. Может, я просто закаляю его характер?

Лицо брата печально. Смотрит на модельку, бросает пульт на кровать, идет к проигрывателю. Вытягивает черный диск из картонного конверта с фотографией Высоцкого.

– Зачем Максима обидели? – на пороге мама и пылающий

щекami брат. – Почему машинку маленькому не даете?

Удивление на лице Геры такое естественное.

– Какая машинка?

Пластинка в руках подтверждает бессмысленность претензии.

– Ну, – мама обращается к Максy, – где твоя машинка?

Не веря переменам, и все еще пузырясь обидой, Максим бочком подходит к пульту. Игрушка взвизгивает, заходит в немыслимый вираж и переворачивается колесами вверх. Восторг переполняет младшего. Мама успокоенно удаляется к бабушке. Завтрак почти готов.

Я спросил тебя, зачем идете в горы вы?

А ты к вершине шла, а ты рвалася в бой.

Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово!

Рассмеялась ты и взяла с собой.

Хрипит Высоцкий. Гера смотрит в окно на сыплющиеся хлопья снега. Макс с упоением гоняет модельку.

Подхожу к Герману. Смотрю на снег. Спрашиваю:

– Что тебе снилось сегодня?

– Ночью?

– Ну да, ночью.

– Ничего.

– Точно?

– Точно.

Показалось. Почудилось.

Ох, какая ты неблизкая, неласковая,

Альпинистка моя, скалолазка моя!

Каждый раз меня из пропасти вытаскивая,

Ты ругала меня, скалолазка моя.

И с салом пироги

На круглом просторном столе дымятся вскрытые продольными разрезами пироги. Жирно белеют солёные кусочки сала на плоской тарелке. Квашеные помидоры и огурцы, моченые яблоки, горячее картофельное пюре, свиные котлетки. Упоительный аромат густейшего бабушкиного соуса.

– За все хорошее и доброе! – бабушка звонко чокается с бабушкой, отцом, матерью и нашими стаканами вишневого компота.

Отхлебываю прохладную темно-красную сладость. Вкус не такой. Но, именно таким должен быть. Изначально. А был другим. Не таким...

Я не путаюсь в словах. Так с фильмами. Допустим, полюбился лихой блокбастер в гнусавом переводе Володарского, посмотрели его сотню раз, привыкли, сроднились и вдруг Первый канал выпускает кинульку в идеальном дубляже голосами гениальных актеров. Что? Лучше? Естественно, нет. Не то!

Поэтому компот, соус и даже сало – великолепны. Соскучился! Сколько лет мечтал усладить тоскующий по былым вкусам язык неоспоримой аутентичностью! Холодный ядовитый голос в голове: “Уже часов десять мечтал, аутентичный ты мой!” Ходики на стене безжалостно показывают 9.45. Чёрт! Всё так. Встречали Новый год здесь. Стол того же диа-

метра. Цвет компота не поменялся.

Откидываюсь на спинку стула. Шут с ним, внутренним бардаком. Разве не весело поверить в фантазию, допустить нелепую идею: «я пророк», пусть не Мухаммед, но что-то в таком роде.

– Опять лыбишься? – Герман на соседнем стуле. – Странный ты.

– Я не странный... Просто умный. Очень.

– Ага. На горшке задумный, – брат теряет интерес, возвращается к куску пирога.

Максим насупил бровки, смотрит на маму. Та замечает.

– Чего тебе?

– Я наелся.

– Пирог ел?

– Да.

– Иди мой руки и гуляй.

Счастливое лицо младшенького исчезает за дверью в коридор.

– Я, кажется, тоже наелся, – заявляет Гера и, судя по тяжелым движениям, не врет.

– Когда кажется, креститься надо, – сурово шутит дед, разливая водку.

– Мой руки... – мама показывает рукой в сторону коридора.

Остаюсь за столом единственным представителем молодежи восьмидесятых, и в ужасе осознаю, что впервые за че-

тырнадцать лет прислушиваюсь к разговору взрослых.

– Шо там у саду робыться? – интересуется бабушка.

– Да ничего нового, – отзывается мама. – Утренники провели. Отдыхаем.

– Им как бы ни работать, лишь бы не работать! – отец то ли шутит, то ли подстраивается под предполагаемый уровень юмора окружающих. Те улыбаются.

– Куда нам! – соглашается мама. – Бандитов и жуликов ловить не надо. Так, ерундой занимаемся.

– Ну яка ж цэ ерунда! – не соглашается дед. – Детишки, цэ ж важно!

– Ты фрухту кушав? – заботливая бабушка протягивает мне большую моченую желтую грушу.

– Спасибо! – с японским поклоном принимаю подарок и встаю из-за стола. – Я сыт. Все было очень вкусно. Иду в колидор мыть руки.

На слове “колидор” у отца включается улыбочка. Уловил.

А в “колидоре” братаны уже обуваются, Герман даже прислонил к стене санки.

– Вы чего, гулять?

– А ты шо, с нами не пойдешь? – Максим удивлен.

– Уболтал, чертяка языкастый!

– Кто языкастый? – смеется Герман.

– Чертяка.

– Сам придумал?

– Учительница по географии научила.

– Юморист!

– А то!

Дознание

Следую за радостными братьями по расчищенному бетону к зеленой металлической калитке. Мимо сосуллек с подоконника, мимо дремлющего пса, мимо чириканья воробья откуда-то сверху, с крыши... И невидимым никому тревожным ветром врывается в голову мысль: “Точно уверен, что видел сон о будущем? А вдруг сон – то, что видишь здесь? Детство. Маленькие братья. Живые дедушка и бабушка. Живой отец. Вдруг они только кажутся? Оттого реальность двухтысячных мутна, как темно-оранжевые силуэты морковных кусков на дне чашки с холодцом. Ведь во сне самый лютый бред, ну, стрельба из домашнего тапочка или разговор с фиолетовой двухголовой коровой о тщете эмоционального восприятия, кажется реальной и отчетливее вчерашней кассирши в “Магните”, вбившей в чек два пакета вместо одного, принесенного домой.

Что, если приятное во многих отношениях советское утро эпохи Леонида Брежнева – ностальгическая картинка, вытянутая из глубин памяти забавляющим мозгом? Спишь, а киномеханик нейронной коммуны крутит чудесную мелодраму о добром детстве.

– Рот закрой, а то ворона залетит! – Герман, распахнув калитку, смотрит насмешливо. – Ты гулять идешь? Или будешь стоять как дурак?

Допустим, сплю. И хорошо. Близко к жизни. Не выхожу же из двора дедовского дома в подворотню Парижа, не начинаю разговор с Герой, заканчивая с президентом России, как сплошь и рядом в сновидениях.

– Сам ты дурак! – достойно отвечаю и проскакиваю мимо растерянного брата на улицу.

Дедушка еще вчера сгреб снег в горку и залил склон водой. Схватился лед и с небольшой высоты можно ехать долго, далеко. Макс, кстати, уже несется. Перевернулся в сугроб. Довольный. Отплевывается, отряхивается. Гера подхватил санки, взбегает на горку.

Осматриваюсь. Улица Советская нелюбима чиновниками. Ни здесь, во сне, выдержанном в стиле восьмидесятых, ни там, в реальности, где новых хозяев бесит само название, на Советской не было и не будет асфальта. Поставят высоченные столбы с фонарями, но электричество так и не доберется до ламп. Забавно, что по муниципальным документам улица будет асфальтирована, электрифицирована и так благоустроена, судя по освоенным суммам, что впору приглашать иностранных туристов на экскурсию “Райский уголок российской провинции”.

Получается, стою в самом начале пути к раю. Снег скрывает грязь дороги и тротуаров. Щекочет ноздри приятный дым местных угольных печей, приход газа ожидается лет через десять. Братья визжат в радостном восторге.

Хорошо так на сердце. Тепло. Мороз кусает за нос. Мест-

ные минус десять похожи на челябинские минус тридцать. Вроде сплю, а щиплет по-взрослому. Но не холодно. И слезы на щеках, думаю, не от резкого ветра.

Виталька Белоусов идет! Пацан совсем. Хоть и поболя меня, молодого, покрепче, но в сравнении с собой из девяностых – мальчик мальчиком. С книжкой?

– Привет, Виталя!

– О, Костян! Здорова! У бабы Тани Новый год встречали?

– Ага. А ты чего с книгой?

– Да вон, – Виталя кивает в сторону соседнего нашему дома, – у Наташки взял. Батя послал. По литературе задали, а у меня нету. Читать не буду, конечно, но прогулялся, чтоб отстал.

– А что это? Куприн? Ничего себе! Ну-ка, дай гляну.

– Ты шо, серьезно?

– Да, прикольно.

– Ну на... глянь.

Распахиваю розовую книгу, пролистываю вводные слова и останавливаюсь на первой то ли повести, то ли рассказе – “Дознание”.

“Подпоручик Козловский задумчиво чертил на белой клеенке стола тонкий профиль женского лица со взбитой сверху гривкой и с воротником а la Мария Стюарт”.

Странно. Никогда не читал Куприна, избегая школьного бремени, но ощущения, что сам придумываю текст, как бывает во сне, нет. И странные имена на ровно и безошибочно

оформленной странице вряд ли выдумал бы так походя лихо: Мухамет Байгузин и Венедикт Есипака. Мухамета бы точно написал с двумя “м” и буквой “д” в конце. А что, если полистать? Несколько раз в книгах из снов обнаруживались чистые страницы, как в денежной кукле. Не успевает мозг так быстро заполнить толстый том адекватным содержанием.

– Ты прям зачитался! – усмехается Виталий.

– Да, сейчас...

Распахиваю наугад, где-то ближе к центру и вижу оформленные убористым четким шрифтом страницы 300 и 301. Под римской цифрой IV:

«Славянов-Райский с утра не покидал “Капернаума”. Стоя у прилавка, он держал рюмку двумя пальцами, оттопырив мизинец, и жирным актерским баритоном благосклонно и веско беседовал с хозяином о том, как идут дела ресторана».

Нет. Невозможно. Или мой мозг получил нереальный апгрейд или... Понял, что стою на морозе и на руках нет варежек. Пальцы одеревенело удерживают книгу, но вот-вот уронят.

– Возьми, – голос хриплый, непослушный.

Виталий не замечает перемены.

– Я ж тебе говорю, ерунда какая-то, – смеется он.

– Что за ерунда? – Гера изучает обложку. – Интересная книжка?

Я пожимаю плечами.

– Школьная, – презрительно бросает Виталий, и по лицу брата становится понятно, что такая литература недостойна его внимания.

– Пока, пацаны!

С книгой подмышкой Виталя уходит на ту сторону улицы к своему дому. И только сейчас доходит, что не сказал другу детства самого главного. В девяностые Виталий возмужает, станет внушительным атлетом и вступит в одну из батайских бригад. За что будет убит. Застрелен во дворе собственного дома. Двое детей останутся без отца.

А должен говорить? Книга пошатнула уверенность, что сплю, но не разрушила окончательно. Поэтому сомнения.

– Ребята! – у калитки родители, бабушка с бабушкой. Мама смотрит на нас. – Погуляли и хватит! Пора домой!

Советская-Гайдара

Всей семьей, с сумками, переполненными овощными закрутками и праздничной едой, бредем по улице в сторону микрорайона Гайдара. Там наш пятиэтажный дом. Мы с Герой и отцом тащим сумки, мама тянет санки с Максимом. Макс не сачкует, на коленях пара авосек.

До 1973-го мы жили на Советской, вместе с родителями отца, но родился третий сын – Максим, наш младшенький, и МВД выделило капитану Кизявка четырехкомнатную квартиру в новом районе города. Квартира на верхнем этаже, угловая, прожигаемая солнцем летом и продуваемая суровыми батайскими ветрами зимой, с крохотной, стандартной по тем временам кухонькой, зато просторная и удобная для комфортного размещения нашего внушительного табора.

С тревогой осматриваюсь. Как и книга Куприна, улица полна маленьких деталей. Вряд ли спящий мозг способен сшить из немислимо живых кусочков бытия то, что вижу.

Странная геометрия трещин, напоминающая дельту Амазонки, на асфальте Клары Цеткин, пересекающей Советскую. Не женщины, разумеется, а улицы. Мотоцикл с коляской забитой синими пластиковыми бидонами. Мужик в фуфайке (так у нас называют серые ватники) и мальчонка в красной дутой куртке качают из уличной колонки через длинный черный шланг в бидоны воду. В студеном воздухе

легкая кислинка привкуса борща – кто-то готовит обед. Истерика собаки за забором. Жужалка на дороге (сгоревший в печи уголь тут принято выбрасывать прямо на проезжую часть). Ни одной машины, кроме “копейки” в узком дворе под навесом из серого шифера. Нет двухэтажных особнячков, таких частых в Батайске двухтысячных, только одноэтажные шалеванные и кирпичные домики за одинаково зелеными заборами.

На перекрестке с Орджоникидзе мама с папой впяливают нам сумки и ключи от квартиры.

– Мы к Шевцовым, на Белинского! – торжественно объявляет папа. – Чтоб дома был порядок! Приду проверю! И сумки с банками несите в руках. Остальное можете везти на санках. Но не банки. Поразбиваете!

И уходят по Орджоникидзе на юг. А нам идти дальше по Советской до Гайдара. Расстроен Максим. Мама больше не повезет на саночках. Братья не согласятся тащить, наоборот, еще пару сумок на санки поставят, дерзай, молодой.

Белинского?! Плеснул батя кипяточку на нервы. Там дом будущей бывшей. Сколько ей сейчас? Года четыре? Может, и не приехала еще в Батайск из Краснодарского края. А может, уже здесь. Никакого желания увидеть и умилиться не ощущаю. Холодная, ледяная злость. Хорошо, что нам с братьями не надо на Белинского. Сон сном, а чувства мощные. Штормит. Вспоминаю, как в мае самого тяжелого года жизни, 2017-го, поседел, борода стала практически белой.

Поседел? Борода? Смешно! Мне четырнадцать! И если четырнадцать реальны, а будущее лишь сон, то ха-ха-ха и еще десять раз ха! Мало ли что приснится. Подумаешь, в нелепой фантазии меня бросила воображаемая женщина, с которой прожил двадцать два года. Променяла на молоденького наркодилера и возможность улететь с ним на Филиппины. Наркодилер? Филиппины? Нелепый сюжет! История из дешевого голливудского боевика. Пошлая фантазия! И ноги у меня не отнимались, и в груди не жгло так, что хотелось убить себя. Просто видел сон. Теперь вот – воспоминания. Фальшивые, естественно. Хоть и очень болезненные.

– Ты сегодня жутко задумчивый! – заботливо замечает Гера. – Сейчас врежешься в дерево или в столб. Давай быстрее. Там фильм будет классный, ты же сам вчера говорил. Охлоухинские музыканты.

– Немухинские музыканты, – машинально поправляю. – Хорошее кино. По Каверину.

– Мультик? – с надеждой уточняет Макс.

– Нет, – отвечаю, – фильм.

– Жалко...

Странное чувство. Хочу заботиться о них. Молодые, неопытные, незащитные. Братья. И до сна было так. Многим обидчикам по чердаку настучал бы. Против того, кому не настучал, тоже бы поднялся. Потом, конечно, упал, но снова и снова вставал бы, пока мог. Теперь по-другому. Будто не просто старший брат, а «очень старший».

– Гера, тебе сколько лет?

– Двенадцать... А чо?

– Интересно просто. Значит, Максу девять.

– Мне восемь. Скоро девять. Двадцать третьего февраля.

– Ну да, – Гера улыбается, – он у нас праздничный.

Улица упирается в детский сад “Матрешка”. Конец Советской. Нам налево. Сумки тяжелеют с каждой секундой.

– Притормозите, братаны! – звякнув стеклянными банками, приземляю утомивший сумарь в рыхлый снег.

Гера с готовностью пристраивает поклажи рядышком. Макс паркует санки.

– Устали?

– Слегка! – Гера морщит щеки.

– Ни капельки! – бодрится Максим.

Солнце прячется за тонкой пеленой облаков. Сверху падают редкие снежинки. Улица пуста. Почти. Вдалеке, у желтого продмага, девочка тащит саночки с неразличимым с такого расстояния пассажиром.

– Пацаны, – говорю, – вы такие классные!

Смотрят с сочувствием.

– Чо, – интересуется Герман, – настроение хорошее?

Улыбаюсь:

– Скажите, братаны, вот мы обойдем эту пятиэтажку и что за ней?

– За Буйным домом? – уточняет Максим.

Вспоминаю, дом мы зовем Буйным. Не люди в нем нерв-

ные, а живут брат с сестрой по фамилии Буйные.

– Да, за ним.

Задумываются.

– Ну, там наш дом, – говорит Максим, – и мусорка. Точнее, сначала мусорка, а потом наш дом.

– А между Буйным домом и мусоркой что?

– Гаражи! – на этот раз говорят одновременно.

– Гаражи?! И никакой стройки?

– Какая стройка? Общагу сто лет назад построили.

– В смысле, Гастелло 4 “А”?

– А ты адрес помнишь? – в глазах Геры смешинка. – Я уж думал, память потерял.

Подхватываю сумки.

– Пошли быстрее, а то на кино опоздаем!

Проклятие четвертого подъезда

Ржавые, местами неуклюже подкрашенные гаражи, сделанные по большей части из железнодорожных контейнеров, стоят на месте. О скандальном сносе этих чудовищ, о котловане под фундамент будущего десятиэтажного дома, о долгострое с обманутыми дольщиками, а уж тем более о возобновлении строительства через десятки лет новым подрядчиком никто не подозревает. Гордо торжествует смелый советский гаражный самозастрой. И лишь похмельное сонное перво-январское утро защищает незыблемую, как сам СССР, территорию железных монстров от звонких, пронзительно честных тостов и аппетитного дыма праздничных шашлыков.

Мусорка. Родная. Неухоженная. С переполненными баками. Без всяких там бетонных помостов и металлических ограждений. Настоящая! Давно так не радовали отходы и всякая грязь. Хорошо, земля присыпана чистым снегом. Вспоминаю маршрут от дедушки до родного дома. Ведь ни сантиметра асфальта на пути, исключая, конечно, тротуар у Буйного дома. Был бы привычный на Новый год батайский дождь, с ног до головы перемазались бы стопроцентно.

Ох! Гайдара, пять! Двор, милый двор! Видел его вчера, но картинки из сна (сна ли) закрыли память перспективами следующего века. Идеально ровная широкая проезжая полоса перед подъездами, ровные бордюры, большие кобры-лампы,

новенькие ступеньки и кованые перила, домофоны на металлических дверях...

Ничего этого нет. Вот где точно определяешь разницу между сном и реальностью. Убого смотрится именно реальность. Спасает снег. Красив, зараза, пушист и нежен. Все огрехи бытия на его фоне пусты и простительны.

Погружаюсь в приятную пучину благодущия, а из дверей родного, крайнего четвертого подъезда выскакивает парень в черной ушанке, теплом черном пальто и меховых черных сапогах. В руках санки без спинки. Уши шапки развеваются как флажки на морском крейсере.

Дима?! Ерылкин?!

– Здорова, пацаны! Гулять будете?

– Кино будем смотреть, – отвечает Герман. – Примухинские музыканты.

– Немухинские, – поправляю на автомате, – хочешь, пошли к нам, посмотрим вместе.

В глазах Макса испуг и восторг храбростью старшего брата, приглашающего домой кого угодно, без всякой консультации с родителями.

Димка растерян. Душа мечется между перспективами скатиться с горки за домом и посидеть с дружбанами перед телевизором, наслаждаясь интересным фильмом.

– Ну чо, – уточняет Гера, – идешь? А то скоро руки оторвутся.

– Нет, – решает Димка, – надо будет опять у матери от-

прашиваться, а я и так её час уламывал на улицу отпустить. Не буду рисковать.

– Ну, смотри... – Гера входит в подъезд. – Если чо, приходи.

Полумрак. Приятно пахнет мандаринами, хвоей, жареной картошкой, мясом и солеными огурцами. После слепящего снега с трудом различаю ступеньки. На первом этаже посветлее. До чего обшарпанные двери! Если это деталь сна, то честная. В восьмидесятые нет у людей таких бытовых, шмоточных запросов как через тридцать лет. Запачканности, замызганности, потертости – норма. Другое радует. Другое огорчает. Вон, справа угловая дверь. Вовка Чупахин живет. Одноклассник Макса. Трое их. Вовка и две сестры, Лида и Таня. Квартиру получили за рождение тройни. Живут прямо под нами. Планировка комнат такая же. Те же четыре комнаты. И какие проблемы у Чупахиных? Дверь замусоленная? Я вас умоляю! Родителям тройню поднимать на ноги. Чтоб умными росли, веселыми, полноценными строителями коммунизма или чего тут еще. А вы – двери. Кстати, Вовка еще не знает, какие штрафные удары готовит семейная жизнь. А ведь готовит по полной программе. Вернется Вова из армии, женится. Родит жена двух девочек и скажет: “До свидания!” Отберет детей и к маме. Злые языки потом разьяснят, что замуж она для того только выходила, чтоб детей завести. Мол, с детства жила так. С мамой. Вдвоем. Привыкла, и по-другому не мыслила. Вовка так, промежуточное

звено. Использовала и выбросила. Может, и врут злые люди, но Вовку сильно прищипывает. И физически, и нервно. От молодого веселого пацана, что орет сейчас за дверью, останется бледная тень. О, женщины – вам имя... Что-то нехорошее сказал классик. В будущем обязательно бы загуглил, что и какой именно классик, но тут до ближайшей библиотеки десять минут ходу. Не факт, что открыта первого января.

Женщины... Димка, что на горку побежал, тоже в нашем стояке проживает, только на четвертом этаже, и его тоже kinetic жена. Причем с такой особенной жесткостью, что уйдет Димон в многолетний зеленый штопор, а на окружающих дам будет смотреть не иначе как с презрительной злобой и недоверием. А пока улыбается проходим. Наивен и светел.

Опять же я, представитель пятого этажа четырехкомнатного братства, если верить сну, двадцать два года пребуду в типа счастливом браке, а потом ветвистые олени рога и скрипачное соло стальным смычком по нервам длиной в полгода. Сначала год будут тайные измены. Потом уйдет. А через два месяца, которые покажутся годами, пригласит на берег озера под шумящие на ветру ивы, к шелестящему камышу, и станет плакать. Она, видите ли, осознала, что сделала мне больно. Она, понимаете ли, рыдает ночами, скучая и мечтая вернуться от злодея, барыжащего героином и коксом, ко мне, такому хорошему, благородному и родному. Забери! Эти месяцы без тебя, в дурмане гашиша и похоти – худшее время жизни! И слезы. Крупные. Искренние. Про-

фессиональные.

Я ж рыцарь. Воин. Читай – дурак. Верю. Люблю без памяти. Ни на что не обижаюсь. Возвращайся, любовь моя! Все будет хорошо, только не плачь, сердечко мое!

А ровно через три месяца воскресшей семьи не вернется с работы. Просто нет. Причем, днем ласково так по телефону: “Любимый, вечером гости придут, купи, пожалуйста, бутылочку моего любимого вина”. Любимый, конечно, купит немецкое вино Liebfraumilch в голубой бутылке, сядет с друзьями и будет ждать свое сокровище. Но в восемь вечера нет и в девять вечера нет. Мало ли что случилось на работе, может, задержали. В десять вечера взволнуется не только муж, но и гости. На звонки не отвечает. Телефон отключен. Батарея села?

Явно случилось нехорошее. Может, в аварию попала на пути к любимому? Она же на машине. Столько дураков на дорогах.

– Миха, поехали!

И через ночь на север города к её работе. Закрыто. Никого. А у входа её фордик фиеста. Ну точно не авария. А тогда что? Пошла в гости к подруге?

Обзваниваю подруг, благо телефоны забиты в памяти. Тем временем подтягиваются еще две машины. Собралось человек десять. Поисковая группа. Хорошие у меня друзья.

Подруги на той стороне телефонной связи в недоумении. Не в курсе. Закрылась контора в восемь вечера. Друзья на-

чинают обшаривать кусты вокруг здания. Мало ли. Маньяк напал, утащил. Но нет. Никаких следов.

Едем в ЦГБ. Врачи встречаются с удивительным пониманием. Не было. Не поступала.

Объезжаем все батайские кафе. Нет. А времени уже час ночи. И тут звонок. Отчаянный женский голос:

– Я не должна была говорить, но вы же в панике! – это Оля, подруга жены по работе. – Вчера билеты распечатывала на самолет. Похоже, улетела.

Чуть легче. Жива. Хорошо. Поехали ко мне. Посидели, чаек-кофеек. Захожу в ВК. Послание:

«Дорогой, не переживай, все хорошо, я улетела на Филиппины с Сашкой. Спасибо за все».

Потом узнаю, что слезы и рассказы о любви – красивая театральная постановка, отрепетированная с барыгой Александром, чтоб подешевле перекантоваться пару месяцев, пока там обустроится. А теперь – обустроился и прислал билеты. Всё, завяли помидоры.

Друзья перечитывают послание, ругаются. Злые. Расходимся, хлопают по плечу, мол, держись, выпей водки, выбрось из головы.

И вот – одна тысяча девятьсот восемьдесят второй год от рождества Христова. Мы на третьем этаже. Кто живет в нашем углу? Андрюха Морозов? Ну, у него, по ходу, не будет потрясений семейных. Хотя, стоп! В будущем тут будет не он, а его племянник, Славик. Андрюха на север уедет. И...

так-так... Ага! Славика ждет та еще история. Мать у него пьющая. Живет далеко и отдельно. Славик женится. И вроде бы всё будет складываться хорошо. Молодая, заботливая такая девочка. За ручки будут водить друг друга нежно и заботливо. А лет через пять идеальной семейной жизни у матери возникнут проблемы с жильем. Славику нужно будет приютить её на время. И тут любовь превратится в морковь, и девочка сбежит к другому, без проблемной матери.

Да... Вот такое светлое будущее, о котором не мечтали большевики. Проклятие четвертого подъезда. Мистическое и необратимое.

Аж мурашки по телу прошелестели. Холодные пальцы беспощадной судьбы. Бедные мои, хрупкие мои, дорогие мои мальчишки!

А Гера уже возится с ключами. Сильно тяжелеют сумки к пятому этажу. Дверь раскрывается со скрипом.

Заяц

Не спешу переступить порог родного жилища. На серой, посеченной временем металлической дверце электросчетчика четырьмя кусками синего пластилина по углам прилеплена картина. Фломастерами на чертежном листе бумаги нарисован веселый мультяшный заяц. Улыбается в тусклое пространство подъезда. Источник радости серого грызуна – оранжевая морковка перед ушастой головой на елочной ветке. Внизу красивым почерком – “С новым годом!”

Вчера днем. Перед походом на Советскую. Марина, соседка, симпатичная зеленоглазая блондинка, попросила кнопки. Мама сказала, что кнопок нет, но есть скрепки. “Скрепки не подойдут, – возразила Марина, – я ведь картину буду вешать. А пластилина у вас нет?” Пластилина?! Да у нас его! Притащил ей темно-синий кусочиче. Вместе повесили жизнеутверждающий плакат на счетчик. Марина протянула оставшийся ком расплывчатой синевы. Не взял, попросил сделать зайчика, как на картине. Разошлись. А через пять минут в дверь тихо постучали. Открыл. “Справа“, – шепнула Марина и скользнула в свою квартиру. Я почувствовал запах шоколада. Всегда казалось, изо рта должно пахнуть не слишком приятно. А тут – шоколад. Невероятное открытие. И чудо – с дверного откоса улыбается симпатичная мордочка зайца.

Мы любили друг друга. По-детски, наивно, не догадываясь об очевидной остальным взаимности, не требуя друг от друга внимания. Еще вчера. И несколько лет до вчера. Сколько? С того момента, наверное, когда шестилетним прыгал с ней, пятилетней, по синему дивану в зале. Восемь лет. Ого! Умею быть преданным одной девочке! Умел. Одна ночь изменила то, с чем не справились восемь лет жизни. Правда, ночь продолжалась тридцать лет. Уже не люблю. Нежность, радость, удивление – да, но любовь... Есть те, кого любил сильнее, отчаяннее. Если они и выдуманы мозгом в новогоднюю ночь, то так ярко, так трудно и тяжело, что болят сильнее реального, невоображаемого. Что еще вчера казалось счастьем, сегодня тянет на грустную усмешку. Прислушиваюсь к отголоскам сна и смутное, тоскливое предчувствие сдавливает грудь. В новогодние праздники произошло... хотя правильнее сказать, произойдет неприятный случай, убивший нашу хрупкую, детскую тайну.

Немухинские музыканты

Милый дом. Кислый воздух. Тут живут школьники. Носки не снимаются неделями, ванну принимают с такой же регулярностью. Идеал иезуита. Несвежесть не тошнотворная, как бывает в особо неаккуратных квартирах. Опять же «свое», по гипотезе учителей начальных классов, плохо не пахнет. Но проветрить не помешает.

– Опять лыбишься? – Гера смотрит на застывшего посреди коридора в странной медитации старшего брата. – А кино уже началось!

Из зала вкрадчивый старческий голос:

– Вы пробовали заглядывать в будущее?

Замираю. Вопрос в точку. В десятку!

Слышится женское хмыкание, старичок продолжает:

– Пробовали? А я пытаюсь, – говорит как в старом кино, в слове “пытаюсь” нет мягкого знака.

– Всего доброго! – смущенно отзывается женщина, цокают удаляющиеся каблучки.

– Вы любите неожиданности? – старичок переключился на меня? – Я очень люблю. Они нас ждут.

Нереальность простого до этой секунды мира захлестывает. Врываюсь в зал, чтоб увидеть странного, знающего причину моего безумия мудреца. Но вижу включенный телевизор. На экране уходит вдаль по дороге, занесенной палыми

листьями, женщина в бежевом пальто и белом берете. Пролетают мальчишки на велосипедах. Из-за поворота слева на экран вырывается желтый жигуль и, показав слегка примятый бок, скрывается справа за старинным, в стиле пятидесятих годов, домом.

– Фу, напугал! – Максим вскочил с дивана, смотрит большими глазами. – Хорош так делать!

Телевизор на коричневой тумбочке, между двумя дверными проёмами, напротив коридора, откуда я влетел. Слева – вход в комнату Геры. Справа в комнату родителей.

Вообще, отец не любит двери, ему кажется, что за ними мы с братьями будем творить что-то ужасное, вызывать Ктулху или рисовать на обоях... Поэтому у нас проемы с занавесками. Единственная в квартире дверь – в спальню родителей или, как мы называем, балконную комнату. Со стороны, где я замер, вдоль стены, два обтянутых зеленой холстиной мягких кресла. Между креслами – шахматный столик с большими деревянными фигурами. Дальше к окну синий диван, слегка раненый беспокойными детскими ногами восемь лет назад. Еще дальше – сосна. Позавчера наряжали. С удовольствием истинных ценителей старины вешали игрушки пятидесятих годов. В половину удовольствия – шарики и сосульки семидесятых. Самое хлопотное, гирлянду с огоньками, свалили на Макса. Макс, конечно, не справился, и через час бесполезных попыток ему помогли все, даже вернувшийся с работы отец. Младший уже сидит на диване.

Гера усаживается в кресло.

Справа, если опять же стоять лицом к телевизору, а я так и стою, стена, облагороженная (как кажется родителям) большим персидским ковром. Диван поменьше. Зеленого цвета с большой коричневой лакированной тумбой для хранения спальных прибабасов. Слева от дивана, впритык к стенке, за которой родительская спальня, книжный шкаф, набитый советскими (а какими же еще) книгами.

Сажусь в кресло. Фильм цепляет. Не сюжетом даже, не режиссерскими странностями: синий асфальт, красные ветви деревьев, радуга в ведре с водой, экзистенциальный дирижер в лодке, медленная тревожная музыка. Другое. Предсказуемость. Будущее здесь видят. Знают. Живут, не волнуясь, не мучаясь, спокойно и уверенно. Может, у Каверина тоже был большой Сон и фильм – контакт с такими, как я? Кстати, жив еще Каверин? Ах, Гугла нет. Ладно. Смотрим кино.

По мере раскручивания сюжета начинаю паниковать. Как этот сюрреалистичный винегрет нравился, доводил до восторженного умиления и казался прекрасным? За тридцать лет сна совершенно разучился погружаться в экзистенциальные бездны простого советского детского кино. Вся страна разучилась. В двадцать первом веке детские фильмы и мультики будут просты и прямолинейны как карандаш «Кохинор». А тут...

Она – учительница в немухинской музыкальной школе. Слышит музыку, несуществующую для других персонажей

(за редким исключением). Дирижирует оркестром из игрушечного пуделя, черного фрака, попугайчиков, огнетушителя и облачка дыма. Директор школы, бюрократ, сухарь и совершенно неромантическая личность, возмущается, что на уроках главной героини дети не играют на инструментах, а, страшно сказать, рисуют музыку.

Вспомнились пациенты неврологии с поврежденными слуховыми и зрительными зонами коры мозга, видящие музыку в красках.

Негодующий директор решает подставить молодую учительницу и поручает ей подготовить новогодний концерт, где девушка покажет музыкальные таланты, а точнее, вывалит на публику полную профнепригодность: отличный повод для увольнения.

Учительница в панике, но два преданных ученика, мальчик и девочка, слышащие недоступную музыку, находят способ спасти любимого педагога. Влюбленный в фею музыки (а учительница, оказывается, фея) кузнец, когда-то выковавший голос волку из сказки про семерых козлят, соглашается выковать голоса всем членам странного оркестра. В итоге приехавшая из столицы серьезная делегация музыкального начальства не только не ругает бедную учительницу, но наоборот, бурно аплодирует и восторгается.

В конце фильма фея с кузнецом уезжают на санях в свадебную метель, а таинственный старичок и его друг трубочник провожают их удивительными словами:

– А ведь она могла увидеть другой сон, – выдает старичок.

– Грустный, – подхватывает трубочник, – а может быть, и страшный.

Такие добродушные милые дедушки, а у меня мороз по коже от услышанного.

Отвык от подобных зрелищ. После простых, как отверстие бублика, боевиков с Арнольдом Шварценеггером, после до тошноты однообразных кинокомиксов с супергероями. Такое!

Даже на поверхности смыслового океана – удивительный слой невидимой никому бесконечной ценности человека, раскрывающейся в поддержке и любви близких людей. Огого мысль для привычного мне кино двадцать первого века! И это только поверхность. Глубже нырять не хочется. Отвык. Смотрю на братьев.

– Хороший фильм, – итожит Гера.

– Классный, – соглашается Максим.

На экране продолжает музыкальную тему солидный духовой оркестр. И неожиданно приходит запоздавшее недоумение. Не было рекламы!

– Кость, тебе чего, такая музыка нравится? – в голосе Германа только забота.

Отрицательно машу головой. Еще чего. Не полный придурак в четырнадцать лет слушать такое.

– Так, – говорю, – задумался просто.

– Может, в карты? – предлагает Максим. – В “Армяна”

или хоть в “Дурака”?

– А компа у нас нет? – спрашиваю.

– Чего?

– Компьютера.

– Офигеть, – смеется Гера, – ты еще роботов поищи!

На часах 13.10. Играть в карты не хочется. Хочется осмотреться, пройтись по комнатам, пощупать вещи. Хорошо, родители в гостях, а то уже почувствовали бы, что старший потек крышей.

Братья режутся в дурака. Выхожу в коридор и, не доходя до кухни, поворачиваю направо в нашу с Максом спальню.

Дневник

Две кровати. Слева – моя, справа – Максима. Посредине раскатанный через всю комнату узкий серый ковер с орнаментом из красных линий и квадратов. Прямо, у окна, письменный стол. Обычный, с тремя выдвижными ящиками справа и нишей под крышкой. Здесь делаю уроки. Подхожу ближе, замечаю за оконным стеклом на подоконнике ворона. Крупный, черный, загадочный, внимательно смотрит правым глазом. Замираю. Ворон громко вскрикивает и срыгается в воздух.

Не верю в мистику и чудеса, но два ворона за день это какой-то магический перебор.

А если принять самую нелепую мысль? Не сплю я в 2020-м, наблюдая восемьдесят второй, и не увидел будущее в восемьдесят втором. Просто переместился из 2020-го в 1982-й. Прожил все, что помню, прошел через войны, развал Союза, капитализм и интернетизацию всей страны, почувствовал дыхание вселенской пандемии и вот, каким-то Богом или чертом заброшен в прошлое, чтобы изменить историю. Как в книжках о попаданцах, популярных в двадцать первом веке. Может, надо остановить китайский коронавирус или не дать развалиться Советскому Союзу? Вот неведомые силы и поместили мое взрослое сознание в детское тело. А следить послали дрон в форме ворона. Или вороны – и есть дроны Все-

вышнего? Красиво, хотя больше похоже на дремучую чушь.

Понял, что сижу на стуле, облокотившись на стол, и терблю красную тетрадку. Раскрываю. Исписана вся. Нарисованы и вклеены картинки: древние артефакты, раскопы, ножи, лопаты. Детская трепетная страсть к археологии. Помню тетрадь уже с порезанной обложкой. Здесь целенькая. А вот еще трактат. Черная девяностошестистовая тетрадь. Неужели? Раскрываю. Точно! Дневник. Нам отец в детстве покупал такие, чтобы во всех подробностях записывали, что происходит. А потом, когда бегали по улице, перечитывал, чтобы быть в курсе, что у детей на уме. Гера догадывался о подвохе и не сильно доверял бумаге. А я, наивная душа, даже не предполагал такой стороны дела и писал все подряд. Вот на первой странице трогательная надпись: “надеюсь, никто читать не будет”. До слез. Надо же быть таким инфантильным в четырнадцать лет. Помню тетрадь в будущем. Затасканная, истертая, наполовину растерявшая страницы, в каких-то насмерть приклеившихся кусках бумаги. А тут новенькая. Меньше года ведется дневничок, судя по первым записям. И записи веселые. Вот, 15-е марта 1981 года:

“Подошел папа.

– Ты чо не гуляешь? – спросил он.

– А, надоело.

– Ты дневник пишешь? А страницы пронумеровал?

– Нет.

– Ну, пронумеруй, каждый лист цифрой, должно быть 96.

Я пронумеровал, ровно 96”.

Рывками толкается из груди воздух. Припадок смеха. Ай да батя, ай да молодец! Тотальный контроль, это по-нашему. Девяносто шесть! Конечно! Чтоб не вырвал ничего. Ну какой я был ребенок! Почему был? И есть ребенок. Телом. Если верить в идею о переносе сознания... Только чтоб в такие идеи верить, мозг ребенка нужен, а у меня другой. И рад за что-то уцепиться, в терапевтическом смысле, чтоб психику защитить от перегруза, но верить в чушь – оскорбительно для сколь угодно мало развитого интеллекта.

Перенос сознания, придуманный недоразвитыми фантастами, означает перенос нейронных сетей или перестройку нейронных связей во всех частях головного и спинного мозга. С учетом возрастных изменений в структуре и массе мозга, такая байда приведет к страшным психическим расстройствам. Разорвет голову к псам. И это только часть проблемы. Вторая часть – необратимость времени. Что такое время? Шестьдесят секунд – минута. Шестьдесят минут – час. Двадцать четыре часа – сутки или оборот Земли вокруг оси. Просто привязали движение к более-менее цикличному вращению планеты и назвали временем. Создали понятие, абстрагировали от реальности и теперь решили, что время можно повернуть вспять. Начнут вращать Землю в обратную сторону и окажутся среди легионов Гая Юлия Цезаря, весело марширующих в сторону франков. Да уж, человеческий идиотизм не знает границ.

Третий момент. Если я из будущего, то такой факт сам по себе опровергает существование будущего. Могу что-то изменить, и будущего, откуда сюда попал, не будет. И меня не будет – того, который мог провалиться в прошлое. Грубейшее нарушение логики, а против логики не попрешь.

Такова теория. На практике единственное толковое объяснение происходящего – вещей сон. Пророческий. Включилась на невозможную мощь интуиция, и нейросистема впервые в жизни выдала что-то действительно интересное. Не будущее, а один из бесконечного числа вариантов развития цивилизации. Четко, достоверно, близко к действительности. И все. Реальная гипотеза. Связи в мозгу, под действием сильного нервного взрыва, перестроились, появился обладатель уникальной ложной памяти. У многих такая есть, но моя прям детальная и ясная. И где-то подобные мне «путешественники» имеются. Вспомнил, как Гера совершенно взросло рассуждал о младшем брате и медитировал на снег. Кто знает...

Катафоты

Звонок в коридоре. Я очнулся. Родители? Кто-то бросился открывать, похоже, Макс.

– Кто тут у нас? – голос мамы. – Максим! А где остальные?

– Гера в зале, Костя в спальне.

– Зови всех в зал, – голос отца недобрый. – Сейчас будем разбираться.

Интересно, что произошло? Выхожу в зал. Гера с Максом стоят посреди комнаты перепуганные. Отец из балконной комнаты с пылесосом. Будет возмущаться, что нет порядка, и заставит пылесосить во всех комнатах? Мама на кухне разбирает принесенные продукты.

– Куда дели катафоты? – голос отца отстраненно сумрачный.

О чем он?

– Если признаетесь, не буду бить, – разминает длинный шнур, с черной электрической вилкой на конце.

В голове порция дежавю. Вижу, что будет дальше, и накатывает отвращение. Он часто наказывает нас вот так, просто потому, что кто-то пожаловался. Даже если не виноваты. Мнение соседей важнее наших чувств.

Противный лилипут из третьего подъезда, хозяин исполинского «Кировца», пожаловался, что ночью с его замечательной машины скрутили катафоты. Этот урод видел из ок-

на, что это сделали мы. Наверное, очень хорошо видит ночью. Так хорошо, что разглядел нас, скрытых от него не просто темнотой, но еще и расстоянием в несколько километров, ведь мы спали у бабушки на Советской...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.